

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Руж

ВЕРЛИОКА

7

Татьяна Устинова

ЛЮБИТЬ ПО-РУССКИ

62

Анна и Сергей Литвиновы

АНГЕЛ НА БРЕЮЩЕМ

69

Евгения Михайлова

ВОСКРЕСНУТЬ ПОСЛЕ ЛЮБВИ

76

Наталья Барабаш

АЛМАЗНАЯ ЗВЕЗДА ИМПЕРАТРИЦЫ

125

Инна Бачинская

ДВОЕ В СНЕГОПАД

208

Татьяна Бочарова

ПРОКЛЯТЬЕ СНЕГУРОЧКИ

255

АЛЕКСАНДР РУЖ

• ВЕРЛИОКА •

Александр Васильевич, вы в нечистую силу верите? — спросил Вадим Арсеньев своего непосредственного начальника.

Разговор происходил в первых числах января 1925 года, в разгар борьбы с поповщиной и суевериями. Место действия — Главное управление научными учреждениями, сокращенно Главнаука, оплот фундаментальных знаний при Наркомпросе РСФСР. Действующие лица: руководитель особой группы Специального отдела ОГПУ А.В. Барченко и один из его подчиненных, В.С. Арсеньев. Строгое учреждение, серьезные люди. И нелепый вопрос, который Вадим, не получив ответа, озвучил вторично:

— Так верите или нет?

Барченко, сидевший за большим столом орехового дерева, поднял на назойливого сотрудника круглые стеклышки очков, за которыми, сквозь блики, угадывались темные пронизательные глаза, и проговорил в свойственной ему манере, доставшейся по наследству от предка-иерея:

— Аз, Вадим Сергеевич, верую в могучность человеческого разума и в победу коммунизма на всей земной тверди.

Выразился вроде бы однозначно, но и тон его, и окружающая обстановка свидетельствовали о том, что заданный Вадимом вопрос вовсе не так нелеп, как могло показаться на первый взгляд.

Начать с того, что особая группа, которую возглавлял Александр Васильевич, занималась изучением явлений, выходящих за рамки обыденности, а сам Барченко слыл в Советской республике наипервейшим оккультистом. И помощников он себе подбирал с той же тщательностью, с какой энтомолог выискивает редчайшие экземпляры для коллекции бабочек. Обыкновенные люди, пусть даже весьма толковые и преисполненные рвения, его не интересовали. А вот когда судьба его сводила с индивидуумом, наделенным уникальными способностями, тут он, что называется, делал стойку, как охотничий пес, почуявший запах куропатки. И не имело значения, каких убеждений придерживался тот или иной уникам, состоял ли в партии и была ли правильной его биография.

Вадим, например, не мог похвастаться пролетарским происхождением, да и в марксистско-ленинской теории откровенно плавал, зато умел видеть в темноте, обладал поистине локаторным слухом, ну и так, по мелочи — мог практически бесшумно передвигаться, перемножать в уме многозначные числа, играть в шахматы вслепую...

Прочие члены группы были ему под стать, 8 и Барченко ими по-отечески гордился —

считал не столько младшими коллегами, сколько питомцами, требующими заботы и опеки.

Сам он за годы работы с необъяснимым тоже кое-что постиг: еще до революции овладел навыками гипноза, обучился некоторым духовным практикам у тибетских лам. Его кабинету в Главнауке позавидовал бы любой ценитель редкостей. Это был настоящий музей, наполненный предметами, привезенными со всех концов света. Палец Александра Васильевича украшало египетское бронзовое кольцо со скарабеем, свою личную печать он вмонтировал в рукоять кинжала, принадлежавшего когда-то майяскому жрецу, а чернильницей служил найденный на Ближнем Востоке камень с глубоким отпечатком раковины доисторического моллюска-аммонита.

В настоящую минуту Барченко был занят тем, что изучал монографию фольклориста Афанасьева «Языческие предания об острове Буяне», делал в ней пометки и что-то выписывал бисерным почерком на маленькие бумажные листочки. За этими трудами его и застал Вадим, любивший беседовать с шефом неформально, тет-а-тет.

— Присаживайтесь, Вадим Сергеевич. Вкушайте. — Барченко указал на малахитовый столик, где в тарелке, сделанной из нижней половины клюва мадагаскарского эпиорниса, высились горкой кубики рахат-лукума. — Сие лакомство мне наемный товарищ привез. Был в Китае, изучал там предания о драконе, будто бы в Небесном озере обитающем. На обратном пути к османам заехал, хотел на Арарат подняться, дабы Ноев ковчег поискать, но курды едва живота не лишили...

Вадим примостился за столиком и повертел в руке мяклый брусочек лукама. Сегодня он заглянул к начальству не праздно — имелась тема, требовавшая обсуждения.

Александр Васильевич первым нарушил повисшее молчание:

— С чего это вы вдруг про нечистую силу спросили, а? Никак Гоголя на ночь начитались?

— Нет... Просто из Клинского уезда слухи просочились.

Барченко оторвался от чтения, глянул пытливо.

— Это какие ж слухи, позвольте полюбопытствовать?

— Болтают, что в лесу тамошнем бесы завелись. Огни меж деревьев мерцают, тени снуют, звуки непонятные слышатся...

— Может, браконьеры лихоимствуют? — предположил шеф. — Завидовский бор живностью обилен, для дичекрадов самое раздолье.

— Как раз-таки браконьеры этот слух и р-распространили. Они теперь туда носа не суют.

Весть о клинской нежити Вадим получил от знакомого корреспондента газеты «Атеист» Мурина. Тому сплетню принесла кума из деревни Загорье, расположенной к северу от Москвы. Мурин в бесов не поверил, но подумал, что из разоблачения вредных баек получится хороший материал для ближайшего номера. Захватив с собой редакционный фотоаппарат «Лейка», он отправился на место. Переговорил с деревенскими — они

наплели ему с три короба о ведьмаках, леших и прочей чертовщине, наводнившей

окрестности. Посмеиваясь, Мурин пошел прогуляться.

Он загодя порылся в архивах и установил, что верстах в семи от Загорья, в дубовых и березовых дебрях, находится бывшее барское поместье. Каменный дом о трех этажах был выстроен в густом лесу по прихоти статского советника Чучумова, увлекавшегося каббалистикой, ведовством и тому подобными гнусностями, порицаемыми церковью. Чтобы не вступать в конфликт с пастырями, Чучумов и удалился на отшиб, где в уединении, под покровом нависших над домом ветвей, проводил, как доносили случайные очевидцы, колдовские обряды, один поганее другого.

Все это деялось еще при царском режиме. Октябрьский переворот положил конец чучумовским мерзостям. Почувявше свободу мужичье вооружилось кольями и пошло выгонять мракобеса из имения. Но Чучумов как в воду канул — следов его присутствия нигде не обнаружилось. Загорские бабульки шептались: вот оно, еще одно проявление дьявольского начала! Уговаривали земляков не трогать клятое логовище, убраться подобру-поздорову. Но мужики вошли в раж, особняк был разорен и по причине его удаленности от обжитых мест заброшен. Уже восьмой год он стоял, совершенно опустелый и никем не посещаемый. К нему-то и направил свои стопы дотошный репортер Мурин. А куда ж еще? Бабы наперебой твердили, что зло аккурат оттуда, из покинутой домины, и проистекает. А насылает его все тот же Чучумов — в отместку за разбой и поругание.

Дойти до разграбленной усадьбы журналисту не привелось. Примерно в полуверсте от нее он углядел на занесенной снегом опушке чудо-юдо о пяти ногах, но без рук и, что еще страшнее, без головы. Верхняя часть туловища этого монстра представляла собой нечто вроде раздувшегося мешка с одним-единственным глазом, мертвенно поблескивавшим при свете луны. И еще Мурин различил подобие хвоста, тянувшегося за чудищем по рыхлой пороше. Репортера, по его признанию, кинуло в дрожь, он хотел немедля пуститься наутек, но профессиональный долг возобладал. Вскинув фотографический аппарат, Мурин сделал снимок и уже затем, со спокойной совестью, задал стрекача, рассекая снеговые заносы, как эсминец океанские волны. Одноглазый дьявол, по-видимому, его не заметил — по крайней мере, в погоню не устремился.

Вернувшись в Москву, Мурин отчитался об увиденном перед главредом «Атеиста» и предложил направить в колдовские леса полноценную экспедицию, оснащенную научной аппаратурой и для надежности двумя-тремя пулеметами. Редактор обозвал его дураком и строго приказал завязывать с выпивкой, до которой, как ни прискорбно, Мурин действительно был охоч. Пристыженный корреспондент предъявил в свое оправдание сделанную на опушке фотографию. К несчастью, тогда уже сгустились сумерки, а воспользоваться блицем он не рискнул, поэтому фото вышло размытым. Словом, редактор доводам не внял, вlepил своему штатнику выговор и запретил

12 упоминать эту бредовую историю не только

в печати, но и устно. Мурин приказ проигнорировал и пересказал обстоятельства вояжа в Клинский уезд Вадиму. Он надеялся, что ОГПУ сумеет изловить одноглазого выродка и снять проклятие с заповедных лесов.

— Могу ли я узреть оный фотоэтюд? — Барченко протянул руку, и Вадим передал ему полученный от Мурина снимок,

Изображение являло собой грязно-серое пятно. Мало того что не хватало света, так еще и снимал Мурин без штатива, руки тряслись, и картинка получилась смазанной. При наличии богатого воображения трактовать ее можно было как угодно.

Разглядывая фото, Барченко вещал с ухваткой завязтого проповедника:

— Ко всякой непознанной вещи, Вадим Сергеевич, надобно относиться вельми придирчиво. И прежде чем приписывать ей сущность сверхъестественную, надлежит поперед умишком пораскинуть: а вдруг сей феномен вполне себе земное толкование имеет?

— Как же так, Александр Васильевич? — допытывался Вадим. — Вы двадцать лет паранормальные явления изучаете и при этом не допускаете их наличия?

— Паранормальное паранормальному рознь, — изрек шеф и поморгал натруженными глазами. — Воля ваша, но в означенной абстракции ничего явственного разглядеть не могу... Разве что лупу взять?

Лупа в металлической оправе лежала на полке шкафа, далековато от орехового сто-

ла. Вадим приподнялся, чтобы помочь Александру Васильевичу, но тот опередил его: взял двумя руками мрачного вида фолиант в аспидно-черной кожаной обложке, выставил его перед собой, как икону, провел пальцем по корешку, и — что за диво! — лупа сама спрыгнула с полки, пролетела добрых полтора метра и шмякнулась о переплет, повисела чуток и отвалилась.

Вадим протер глаза.

— А... Александр Васильевич, как это?.. Вы подчинили себе гравитацию!

— Бросьте! — Шеф задрал очки на лоб, вооружился приткой лупой и, склонившись над столом, стал изучать муринский фотодокумент. — Это спецы из Остехбюро соорудили. Мощный электромагнит направленного действия, сухая углеродная батарея, чтобы за нужными приспособлениями не тянуться. Нажимаешь кнопку — и милости просим... Прислали для испытаний. А в кожу это уж я сам его облек — чтоб из антуража не выбивался.

— И как? Удобная штука?

— Ничуть. Мороки с ней... Чаешь, к примеру, циркуль подцепить, а к тебе нож перочинный летит. Или того хуже — гвоздей целая стая... Словом, недомыслили они что-то с направленностью. Да и ни к чему эти финтифанты. Серьезным делом заниматься надо, а не растрачивать себя на разную чепуховину.

Вадим чувствовал, что критические стрелы направлены не только в спецов из Остехбюро, но и в него самого. Слишком уж недоверчиво взирал

Барченко на блеклый фотоснимок Мурина, водя над ним кругляшом пятикратной

линзы. И чем дольше продолжался этот процесс, тем больше скептических складок собиралось на покато́м челе шефа. Наконец он отбросил лупу на край стола, а фотографию брезгливо поднял за краешек и пихнул в огонек свечи, горевшей в шандале из слоновой кости. Пламя жадно побежало по бумаге, она пожелтела и стала скукоживаться.

Вадим понял: это приговор.

— По-вашему, враки? — спросил, упорствуя скорее по инерции.

— А вы как думаете? — Барченко укоризненно покачал головой. — Образованный человек, в университете обучались, а туда же — за черню не-разумной безлепицу повторяете. А этому вашему писাকে из «Атеиста» я бы курс антиалкогольного лечения прописал. В Кабарду его, на воды! Пусть с месяцок нарзану попьет вместо горькой — авось перестанет ересь городить и людей смущать...

— А мне кажется, что-то во всем этом есть, — гнул свое Вадим и тут же был осажен.

— Экий вы упрямец! — Барченко начал раздражаться. — Я вам со всей ответственностью заявляю: присутствие нечистой силы в природе научно не доказано. Ежели и господствует под небесами нечто потустороннее, то зримых обличий оно не имеет, даже высокоточными приборами не всегда уловляется. Затем и создана наша группа, чтобы правду от вымысла, как зерна от плевел, отделить, и все надмирное на службу народу поставить... А в Лихо Одноглазое и кикимор болотных я, милостивый государь, не верю и вам не советую. Посему взываю к вашему благо-